

ПЕТР ЛЮКИМСОН

ЦАРЬ
СОЛОМОН

Петр Люкимсон

Царь Соломон

«Автор»

2012

Люкимсон П. Е.

Царь Соломон / П. Е. Люкимсон — «Автор», 2012

ISBN 978-5-235-03545-4

Мудрый царь и волшебник Соломон, понимавший язык зверей и птиц, знаком всем как сказочный джин из кувшина, за его несметными сокровищами охотились герои приключенческих романов. Библейский рассказ о царе Соломоне, а также связанные с ним легенды талантливо пересказаны в повести А. И. Куприна «Суламифь». Но оценить масштабность фигуры, глубину мыслей и силу поэтического дара этого незаурядного человека, жившего три тысячи лет назад, нельзя без глубокого изучения библейского текста – «Песни песней», «Екклесиаста» и «Притчей» – написанных Соломоном или приписываемых ему книг Ветхого Завета. Автор, известный израильский писатель и публицист Петр Люкимсон, анализируя исторические труды, исследования Библии, Корана и малоизвестные еврейские источники, воссоздает исторически достоверную картину эпохи Соломона и необычайно противоречивую и сложную личность царя, о котором не перестают спорить и историки, и богословы. Жизнеописание царя Соломона, увлекательно изложенное автором, несомненно, вызовет у читателя глубокий интерес.

ISBN 978-5-235-03545-4

© Люкимсон П. Е., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	12
Глава первая	12
Глава вторая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Петр Люкимсон

Царь Соломон

Вступительная статья Эдуарда Лимонова

© Люкимсон П. Е., 2012

Предисловие

Думаю, не сильно ошибусь, если скажу, что люди моего поколения, родившиеся в шестидесятые годы прошлого века, впервые познакомились с образом великого царя Соломона в раннем детстве. Он являлся нам под именем Сулеймана ибн Дауда в красиво иллюстрированной тонкой детской книжке с умной восточной сказкой про великого царя и скромного муравья – адаптированном варианте знаменитой коранической легенды.

Затем наступал черед сказок «Тысячи и одной ночи» – тоже, разумеется, пока адаптированных. Сказок, в которых из старинных медных ламп и кувшинов рвались наружу джинны, загнанные в эти лампы все тем же великим и мудрым Сулейманом ибн Даудом и заточенные в них с помощью его перстня с магической печатью.

Потом эти джинны вдруг оборачивались лукавым, добрым и не сразу понимающим, куда он попал, стариком Хоттабычем из замечательной книжки Лазаря Лагина и одноименного фильма. Фильм этот уже в мои дни был старым, но, признаюсь, я до сих пор время от времени не без удовольствия его пересматриваю. Разумеется, мы и понятия не имели, насколько книга о Хоттабыче изуродована советской цензурой, как отличалось ее блестящее первое издание от всех последующих, которые потом попадали нам в руки. Но даже в этом виде она была хороша, и вместе с именами Хоттабыча, Вольки ибн Алеши и остальных героев в память западало и имя Сулеймана ибн Дауда, которого Хоттабыч почему-то панически боялся. Боялся настолько, что однажды готов был стать рабом господина Вандендаллеса, на пальце которого, как ему показалось, был перстень с «печатью Сулеймана». Были, кстати, еще и замечательные славянские сказания о царе Соломоне, но они, как правило, проходили мимо сознания большинства моих сверстников, о них гораздо позже узнавали разве что студенты гуманитарных факультетов – на лекциях по фольклору или исторической поэтике.

Зато где-то к годам четырнадцати мы открывали для себя повесть Александра Ивановича Куприна «Суламифь», являющуюся одним из лучших беллетризованных переложений библейского рассказа о царе Соломоне, а также многих связанных с ним легенд. Напряженный эротизм этой книги кружил наши еще полудетские головы; рассыпанные по ее страницам цитаты из «Песни песней» как-то сами собой запоминались наизусть, и, думаю, что снова не сильно ошибусь, если скажу, что многие из нас именно по этой книге учились тому, как следует завоевывать женское сердце.

Купринская «Суламифь» и в самом деле давала некое общее представление о том, кто такой Соломон и каково его место в общечеловеческом нарративе – не менее, но и не более того.

Еще мы, разумеется, знали из «Копей царя Соломона» Хаггарда, что этот монарх обладал огромными богатствами. Были мы знакомы и с легендой о том, что премудрый Соломон знал язык всех зверей и птиц – как по той же сказке о муравье, так и потому, что именно эта легенда дала название книге замечательного зоопсихолога Конрада Лоренца «Кольцо царя Соломона».

Между тем, уже приходило время по-настоящему знакомиться с русской классикой. И вот тогда нас начинала удивлять та легкость, с какой Чехов, Толстой, Андреев и другие великие время от времени роняют цитаты из той же «Песни песней», «Екклесиаста» и (хотя и куда реже) «Притчей» – и вдруг из комментариев выяснялось, что автором всех этих трех книг считается все тот же Соломон.

Так к нам постепенно приходило понимание простой истины, что без знакомства с Библией, этой Книгой Книг, в наших познаниях о человеческой культуре останется то ли большое белое пятно, то ли зияющая черная дыра (причем совершенно не важно, существуют ли зияющие черные дыры на самом деле или нет).

То, как люди моего поколения, вне зависимости от места проживания, национальной и религиозной принадлежности (если у нас вообще была религиозная принадлежность!), доставали Библию в стране победившего научного атеизма – это отдельная сага. Но все-таки мы ее доставали! Доставали – и впервые познакомились и с аутентичным рассказом о царе Соломоне, и с полным текстом написанных им (или приписываемых ему) книг.

Масштабность его фигуры, глубина его мыслей, сила его поэтического дара, безусловно, не могли не зачаровывать, невольно пробуждая желание узнать как можно больше об этом жившем три тысячи лет назад великом человеке.

И вот это, более близкое знакомство с царем Соломоном у каждого уже проходило по-своему. Кого-то увлекал вопрос, существовал ли он вообще и о роли его личности в еврейской и мировой истории. Такие люди прочитывали весь немалый корпус накопившейся со времен Иосифа Флавия научной и научно-популярной литературы, зарывались с головой в учебники и энциклопедии.

Кто-то, подобно автору этой книги, погружался в Библию, или, точнее, в Танах¹, а также в другие еврейские источники в том виде и на том языке, на котором они были изначально созданы, и привычный с детства царь Соломон превращался для них в Шломо а-мелеха – ведь именно так звали его подданные.

Третьи всерьез «заболевали» мистикой и эзотерическими учениями. Перед ними Соломон представлял как один из величайших «посвященных» и магов всех времен и народов, обладавший безграничной властью над потусторонними силами, и даже, якобы, оставивший книги о том, как обрести такую власть.

Кем же он был, царь Соломон и был ли он вообще? Что является правдой, а что нагромождением фантазии и выдумки в том, что рассказывают о нем Библия и Коран, а также великое множество еврейских, арабских, эфиопских и западноевропейских легенд? Является ли он автором тех книг, которые ему приписываются, или эти великие произведения были созданы совсем другими людьми в другие эпохи? Был ли он и в самом деле настолько мудр, как это представляется и постоянно подчеркивается в Библии?

Весь этот круг вопросов и затрагивается в той книге, которую вы сейчас держите в руках. Разумеется, автор отнюдь не пытался дать на них четкие и однозначные ответы – таких ответов попросту не существует. Нет, свою задачу я видел в другом – в том, чтобы собрать под одной обложкой все существующие взгляды версии, касающиеся жизни и деятельности царя Соломона, попытаться их проанализировать, «столкнуть лбами» друг с другом и таким образом восстановить более-менее исторически достоверную картину его эпохи. А затем – и воссоздать необычайно противоречивую и сложную личность Соломона, неоднозначность которой проявилась и в неоднозначности итогов его деятельности как правителя.

Не случайно историки до сих пор спорят о том, чего же больше Соломон принес своему народу – зла или блага? Был ли он типичным самовлюбленным и напыщенным восточным правителем, не в меру расхваленным придворными летописцами, или человеком, значительно опередившим свое время? Можно ли считать его искусным дипломатом и политиком, или – наоборот – следует поставить ему в вину политическое безволие и недалекость? Был ли он глубоко верующим человеком или, напротив, богоотступником?

И это – уже другой, второй круг вопросов, который ставится в данной книге.

¹ Танах – общее название Священного писания на иврите; является аббревиатурой, образованной из заглавных букв названий трех главных частей: Тора (она же «Пятикнижие Моисеево»), «Невиним» («Пророки») и «Ктувим» («Писания»). В христианской традиции перевод Танаха получил название «Ветхий Завет».

* * *

В современной исторической науке утвердилось два основных подхода к эпохе царя Соломона, его отца Давида, да и к наиболее древнему периоду еврейской истории вообще.

Первая концепция связана с родившейся в рамках рациональной библейской критики так называемой минималистской теорией. Согласно взгляду ее сторонников, все время вплоть едва ли не до VII века до н. э. следует считать «темными» веками еврейской истории, о которых мы не можем сказать ничего определенного. А значит, ничего более-менее определенного мы не можем сказать и о Давиде и Соломоне; мы даже не можем быть уверенными в том, существовали ли они на самом деле.

Во всяком случае, считают адепты этой научной школы, никаких достоверных археологических данных, а также еврейских, египетских или месопотамских эпиграфических памятников, подтверждающих реальность личности этих царей, а также правдивость рассказа Библии у нас нет. А, следовательно, и рассказ этот должен восприниматься если не исключительно, то прежде всего как миф. Давид и Соломон, настаивают «минималисты», такие же полулегендарные персонажи, как Ромул и Рема в древнеримской или Рюрик и его сыновья в древнерусской истории.

Наиболее последовательно концепция этой школы изложена в монографии Исраэля Финкельштейна и Нила Ашера Сильвермана «Давид и Соломон. Между исторической реальностью и мифом».

«Последние археологические открытия показывают, насколько реальный мир был далек от той картины, которую рисуют библейские авторы. В то же время легенды – это не только плод досужего вымысла. Формируясь в течение столетий, они подменяли собой аутентичную историческую память», – утверждают Финкельштейн и Сильверман².

Отрицая достоверность Библии как исторического источника, представители этой школы подчеркивают, что наука должна опираться исключительно на факты. Археологические же факты, с их точки зрения, доказывают, что того большого процветающего царства Соломона, которое описано в Библии, никогда не было и в помине – как не было и купающегося в золоте и утопающего в роскоши Иерусалима.

«Можно с большой степенью вероятности утверждать, что Давид и Соломон были реальными историческими фигурами, – пишут Финкельштейн и Сильверман далее. – Но они значительно отличались от тех, какими встают со страниц священных текстов. Невозможно, например, согласиться с утверждением, что Давид завоевал все окрестные царства в радиусе большем, чем один-два пеших перехода от центра Иудеи. Как невозможно согласиться с утверждением, что Иерусалим во времена Соломона был огромным потрясающим воображение городом, а не небольшим затерянным в горах городком, управляемым династией царьков, вся власть которых распространялась на очень скромную территорию»³.

Таким образом, суть этой концепции сводится к тому, что по мере усиления небольшого Иудейского царства (или, скорее, княжества) его цари, чтобы утвердить в сознании подданных свое незыблемое право на трон, решили объединить народ вокруг общей национально-религиозной идеи и осуществили процесс мифологизации истории, или, если называть вещи своими именами, сфальсифицировали ее. Причем, окончательно этот процесс превращения мифа в историю произошел не ранее VII века до н. э.

² Финкельштейн И., Сильверман Н. Давид и Соломон: Между исторической реальностью и мифом. Тель-Авив, 2006. (Ивр.) С. 13.

³ Финкельштейн И., Сильверман Н. Давид и Соломон: Между исторической реальностью и мифом. Тель-Авив, 2006. (Ивр.) С. 28.

Подтверждение тому Финкельштейн и Сильверман видят не только в данных археологии, но и в трудностях точного определения времени правления Давида и Соломона. Трудности эти и в самом деле существуют, о чем еще не раз будет упомянуто на страницах этой книги.

В то же время мысль о том, что некая группа фальсификаторов, по сути дела, придумала народу его историю, а затем весь народ принял эту фальсификацию и безоговорочно в нее поверил, кажется нелепой и невероятной. Впрочем, автор уже слышит голоса, спешащие напомнить, что на протяжении более 70 лет миллионы граждан почившего в базе СССР тоже свято верили в придуманную для них историю собственной страны – так что подобные прецеденты известны.

Но существует и другая – «максималистская» – концепция, утверждающая, что библейский текст в целом обладает очень высокой степенью исторической достоверности. То, что он не подтверждается археологическими фактами, считают приверженцы второй школы, не значит, что таких фактов вообще нет – возможно, они пока просто не найдены.

Поиск археологических артефактов, подтверждающих правдивость Библии, пишет представитель этой школы, видный израильский исследователь Ицхак Мейтлис⁴ связан с целым рядом объективных трудностей. Во-первых, на территории древнего Израильского царства порой крайне трудно производить раскопки просто по причине сложности ландшафта.

Во-вторых, в большинстве случаев раскопки следует производить на объектах, которые в течение тысячелетий многократно разрушались и вновь заселялись, а любой археолог знает с какими сложностями в воссоздании картины жизни людей разных эпох и самой датировки находок это связано. Еще большие трудности возникают при раскопках населенных пунктов, существовавших непрерывно в течение нескольких столетий.

В-третьих, понятно, что для подтверждения истинности рассказа Библии о Соломоне необходимо проводить интенсивные раскопки, прежде всего, в районе Храмовой горы в Иерусалиме. Но, как известно, управляющий этим местом и всеми стоящими на нем мечетями Исламский попечительский совет по вакфу⁵ категорически этому противится. Как следствие сегодня все археологические работы в Иерусалиме сосредоточены в районе исторического парка «Город Давида» и Стены Плача – останков Западной стены Второго Иерусалимского храма.

Вместе с тем, напоминают сторонники этой школы, археологических подтверждений рассказу Библии об отстроенных Соломоном городах, его увлечении лошадьми и «пересаживании» своей армии на колесницы найдено немало. Да и вообще все новые открытия археологов до сих пор лишь подтверждали Библию, и ни одно из них не опровергло ее. А значит, ее тексту вполне можно верить и поверять им новые находки.

Борьба между этими двумя школами необычайно обострилась после того, как 21 июля 1993 года при раскопках в Тель-Да-не была найдена табличка с хвастливой надписью сирийского царя о том, что он победил и убил в бою «...царя Израильского Иероама, сына Ахава, и царя Иудейского Ахазиягу, сына Иероама из дома Давидова» (в синодальном переводе – Иорам и Охозия⁶). Таким образом, с точки зрения, сторонников историчности библейского текста, было получено долгожданное археологическое подтверждение того, что правившая Иудеей царская династия вела свое происхождение от Давида, а сам Давид был настолько выдающейся личностью, что о нем помнили в регионе и спустя более чем сто лет после его смерти.

Однако «минималисты», разумеется, поспешили заявить, что данная находка доказывает лишь реальность существования Иорама и Охозии, и не более того.

⁴ См.: Мейтлис И. Покопаемся в Танахе: Библия и археология. Иерусалим: Изд-во Реувена Маса, 2006. С. 11–15. (Ивр.).

⁵ Вакф, или вакуф (араб.) – в мусульманских странах имущество (преимущественно земля), не облагаемое налогом и неотчуждаемое, предоставленное в виде дара или по завещанию религиозным или благотворительным учреждениям.

⁶ Согласно Священному Писанию, Иорам и Охозия были вероломно убиты израильским полководцем Инуием (в оригинальном произношении – Иегу), предавшим своего повелителя (4 Цар. 9:24–27).

Нового удара по минималистской концепции пришлось ждать недолго. Начатые во второй половине 2000-х годов профессором Йоси Гарфинкелем раскопки развалин древнего города Кириа⁷. «Каковыми были границы этого государства остается неясным, – констатирует известный своей осторожностью в выводах Гарфинкель. – Возможно, оно не было столь большим и процветающим, как это рисует Библия, но и, безусловно, не таким маленьким, как это пытаются представить “минималисты”».

В последние десятилетия среди большинства серьезных ученых все больше утверждается точка зрения израильского археолога профессора Амихая Мазара, убежденного, что степень историчности текста Библии нарастает от книги к книге. Если к Пятикнижию Моисееву и Книге Иисуса Навина, объясняет профессор Мазар, никак нельзя относиться как к заслуживающим какого-либо доверия историческим источникам, то уже Книга Судей содержит в себе немало элементов исторической хроники. В «Первой книге Самуила» и «Второй книге Самуила» (в синодальном переводе – Первая и Вторая книги Царств) реальная история уже явно преобладает над мифом, и эта тенденция усиливается по мере движения к «Первой книге Царей» и «Второй книге Царей» (в синодальном переводе – Третья и Четвертая книги⁸).

* * *

В этой книге, как уже было сказано, представлены все различные точки зрения на царя Соломона и его время, но опора все же делается на библейский текст – как главный источник сведений по данному вопросу. Автор исходит из того, что мы можем соглашаться или не соглашаться с текстом Библии, но у нас нет права его игнорировать.

В связи с этим перед автором встал непростой вопрос о том, какой перевод Священного Писания ему лучше всего использовать. После долгих раздумий я все же решил (за некоторыми специально оговоренными исключениями) остановиться на синодальном переводе как более близком и известном российскому и – шире – русскоговорящему читателю во всем мире. Правда, при первом упоминании того или иного библейского персонажа или топонима автор приводит в скобках их оригинальное звучание на иврите.

Следует также помнить, что названия книг Танаха и Ветхого Завета в синодальном переводе не всегда совпадают. В частности, «Первая книга Самуила» и «Вторая книга Самуила» (две книги «Шмуэль») в Танахе в синодальном переводе обозначены как Первая и Вторая книги Царств. Соответственно, «Первая книга Царей» и «Вторая книга Царей» (две книги «Мелахим») в Танахе в синодальном переводе обозначены как Третья и Четвертая книги Царств. Две книги Танаха «Диврей ха-ямим» («Деяния дней», иногда называемые «Книгой Хроник», или «Хрониконом») в синодальном переводе приводятся как Первая и Вторая книги Паралипоменон.

Конечно, помимо Библии, автор использовал и целый ряд других источников – от Талмуда и Корана до недавно вышедших монографий, посвященных эпохе Соломона или тем или иным аспектам его деятельности; от сборников легенд, подготовленных к изданию видными религиозными авторитетами до той же «Суламифи» Куприна или беллетристических эссе-риссов израильского писателя Рама Орена. Вместе с тем следует учесть, что если начать составлять библиографию книг, посвященных царю Соломону, то она вберет в себя даже не сотни, а тысячи позиций.

Разумеется, автор мог бы привести подобный список литературы, чтобы придать больший вес своему сочинению – как без особого труда мог бы написать эту книгу вообще в совершенно ином ключе, придав ей куда более академический, наукообразный характер. Но в том-

⁷ См.: *Garfinkel Y., Ganor S. Khirbet Qeiyafa: Sha'arayim. Journal of Hebrew Scriptures. Volume 8. Article 22 (2008).*

⁸ См.: *Мазар А. Полемика об исторической правде в тексте Библии. Иерусалим: Яд Ицхак бен Цви, 2001. (Ивр.)*

то и дело, что меньше всего мне хотелось играть в академический снобизм. Гораздо важнее для меня было познакомить русского читателя с малоизвестными или вообще неизвестными до сих пор легендами и скаками о царе Соломоне; столкнуть между собой различные, порой кажущиеся несовместимыми друг с другом версии, на те или иные описываемые Библией события жизни царя, предоставив читателю право самому решать, какая из этих версий кажется ему наиболее правдоподобной.

Ну, а теперь, когда все, что следовало сказать в предисловии, вроде бы сказано, время приступить к самой книге.

Часть первая

Царь

Глава первая

Еще до рождения

Так сложилось, что рассказ о жизни и великих деяниях царя Соломона, или, если произносить его имя в оригинальном звучании, царя Шломо (Шеломо), принято начинать с момента его восшествия на престол, а то и позже – с великой ночи в Гаваоне (Гивоне), где во время пророческого сна юному самодержцу достало ума попросить у Бога не славы и богатства, а «сердце разумное». Таким образом, во всех этих книгах (идет ли речь о теологическом или историческом исследовании, или даже просто о романе или повести) Соломон сразу предстает, по меньшей мере, двенадцатилетним подростком, почти сложившейся личностью и государственным деятелем.

Между тем, невозможно понять ни перипетии судьбы Соломона, ни особенности его мироощущения без обращения к его детству и отрочеству. Сами обстоятельства его рождения; атмосфера, в которой он рос; бури, пронесившиеся в эти годы над царским дворцом и страной в целом – все это, вне сомнения, и стало теми факторами, которые сформировали личность Соломона и затем определяли многие его поступки.

В сущности, история царя Соломона начинается задолго, возможно даже за 20 лет до его рождения. Она берет свой отсчет в тот день, когда царь Давид решает поделиться со своим придворным пророком, другом и советником Нафаном (Натаном) сокровенной мечтой о строительстве грандиозного Храма Господу в Иерусалиме.

К этому времени за плечами у Давида уже был занявший несколько десятилетий путь от простого пастуха до царя, помазанного на царство в Хевроне старейшинами всех еврейских колен. Затем были штурм казавшегося неприступным иевусейского Иерусалима; покорение последних из сохранивших свою независимость ханаанских князьков; успешные войны с давними врагами евреев филистимлянами; строительство царского дворца из ливанского кедра. Был и перенос в новую столицу главной святыни народа – Ковчега Завета с лежащими в нем скрижалями, полученными Моисеем (Моше) на горе Синай.

Когда он почувствовал, что окончательно укрепился на троне, а в страну пришел долгожданный мир, Давид и решил, что настало время для исполнения давнего пророчества и строительства в Иерусалиме величественного Храма Единственного Бога – Творца и Владыки Вселенной.

С мистической точки зрения Храму предназначалась роль сакрального центра всего человечества, откуда в мир изливалась бы истина единобожия. Одновременно Храм должен был стать не просто главным, а единственным местом, где осуществлялись бы предписанные Законом Моисея священные службы. После его строительства жертвоприношения и богослужение в любых других местах должны были быть запрещены. Это, в свою очередь, способствовало бы объединению все еще разобщенного, разделенного на племена (колена) еврейского народа в единую нацию, а заодно превращало бы Иерусалим в подлинную столицу этой нации – ее не только административный и военный, но и духовный центр. «Один народ – один царь – одна столица – один Храм!» – таков был смысл новой политики Давида.

Этими грандиозными планами Давид и поделился со своим придворным пророком Нафаном, и тот, согласно Библии, горячо одобрил замысел царя: «Когда царь жил в доме своем, и Господь успокоил его от всех окрестных врагов его, Тогда царь сказал пророку Нафану: вот, я

живу в доме кедровом, а ковчег Божий находится под шатром. И сказал Нафан царю: все, что у тебя на сердце, иди, делай, ибо Господь с тобою...» (2 Цар. 7:1–3).

Но той же ночью в пророческом сне Бог сообщает Нафану, что тот поторопился с одобрением царского замысла, да еще и от Его имени.

Храм, этот символ любви и мира между народами, как выясняется из посланного Нафану откровения, попросту не мог быть возведен Давидом – царем-воителем, пролившим в своей жизни немало крови, пусть это и была кровь врагов, убитых в честном бою. А потому великая миссия сооружения Храма, говорилось далее в этом пророчестве, будет исполнена тем, кто унаследует трон Давида и чьи руки будут чисты: «Но в ту же ночь было слово Господа к Нафану: пойдя, скажи рабу моему Давиду: так говорит Господь: ты ли построишь Мне дом для моего обитания, когда Я не жил в доме с того времени, как вывел сынов Израилевых из Египта и до сего дня, но переходил в шатре и в скинии?.. Когда же исполнятся дни твои, и ты почиешь с отцами твоими, то Я восставлю после тебя семя твое, которое произойдет из чресл твоих и упрочу царство его. Он построит дом имени Моему, и Я утвержу престол царства его навеки. Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном; и, если он согрешит, Я накажу его жезлом мужей и ударами сынов человеческих; но милости Моей не отниму у него, как Я отнял от Саула, которого Я отверг перед лицом твоим. И будет непоколебим дом твой и царство твое навеки пред лицом Моим, и престол твой устоит вовеки» (2 Цар. 7:4–16).

К тому времени у Давида было уже немало жен, родивших ему множество сыновей. Сам царь не спешил провозгласить, кого из них он прочит в наследники, но всем было ясно, что основными претендентами на престол являются старшие сыновья. Наибольшие шансы стать наследным принцем были у первенца Амнона, рожденного от Ахиноамы (Ахиноам), делившей с Давидом ложе в те дни, когда он считался главарем банды разбойников. Но ведь были еще Далуиа Килав⁹, подаренный Давиду его любимой Авигеей (Авигайль); Авессалом (Авшалом) – сын от брака с гисурской принцессой Маахой; был Адония (Адониягу) – сын Аггифы (Хаггит), Сафатия (Шефатя) – сын Авиталы (Авиталь)...

Однако слова пророчества «...восставлю после тебя семя твое, которое произойдет из чресл твоих» ясно указывали на то, что ни одному из этих принцев не дано стать его наследником – будущему царю и строителю Храма еще только предстояло «произойти из чресл» Давида.

С того дня Давид, согласно устной традиции, и жил ожиданием рождения этого сына. Год шел за годом, победоносные войны с филистимлянами, моавитянами и идумеями (эдомитянами) значительно расширили границы Еврейского государства и превратили его в небольшую, но мощную империю. Гарем царя непрестанно пополнялся новыми женами и наложницами из числа покоренных народов и евреек. Эти жены и наложницы исправно рожали ему новых детей, но ни к одному из их детей, как, впрочем, и ни к одной из новых жен царь так и не привязался сердцем.

Лишь когда Давид вступил во вторую половину своей жизни, он, наконец, встретил женщину, которой суждено было родить обещанного ему и столь долгожданного сына.

Однако и во дворце, и в народе многие восприняли эту страсть царя как преступную, что в значительной степени определило последующие события.

* * *

История любви Давида и Вирсавии описана даже не в сотнях, а в тысячах религиозных трактатов, в исторических трудах, исследованиях психологов и философов, специализирующихся на проблемах этики, учебниках по семейному праву и, само собой, бесчисленном множестве стихов, рассказов, романов. Сотни художников всех времен и народов пытались запе-

⁹ Об этом сыне Давида известно крайне мало и не исключено, что он скончался еще подростком.

чатлеть то, как в их воображении рисовалось купание Вирсавии в тот самый вечер, когда Давид увидел ее с крыши своего дома. Увидел – и вспыхнул к ней поистине ослепляющей, безумной, то есть едва ли не в буквальном смысле этого слова лишившей его разума страстью.

Давида не остановило даже то, что Вирсавия была женой Урии, хетта по происхождению, командовавшего одним из подразделений его армии и находившегося в это время на войне. Призвав Вирсавию к себе во дворец, Давид овладел ею, а когда та сообщила, что беременна, решил скрыть свой грех. Для этого Давид под явно надуманным предлогом спешно вызвал Урию в Иерусалим, а когда тот явился, велел ему отправиться домой и побыть с женой. Но Урия, видимо, наслышавшись от придворных об измене жены, не пожелал смириться с ролью рогоносца. Вместо того чтобы исполнить волю царя, он демонстративно лег в зале с дворцовой охраной, чтобы у него были свидетели, что во время краткого отпуска он не входил к жене, и если та беременна, то беременна не от него.

Давид попытался напоить Урию и в таком бесчувственном состоянии отправить домой. Но, даже крепко выпив, Урия не впал в беспамятство и по-прежнему остался ночевать во дворце.

Разгневавшись на своего офицера за непослушание и усмотрев в его поведении все признаки бунта, Давид отправил Урию обратно на фронт, вручив ему письмо к главнокомандующему своей армии Иоаву с тайным приказом послать Урию во время сражения в самое опасное место, а затем бросить его и его отряд на гибель. Вскоре Иоав сообщил Давиду, что приказ выполнен: Урия героически погиб под стенами Раввы Аммонитской (Раббат-Аммона), столицы аммонитян.

Дождавшись, когда Вирсавия соблюдет положенные дни траура по мужу, Давид поспешил жениться на ней, и таким образом внешне все выглядело вполне пристойно.

Разумеется, и мидраши¹⁰, и многие комментаторы Библии приводят те или иные объяснения, призванные оправдать этот поступок Давида и убедить потомков, что он отнюдь не так аморален, как это кажется на первый взгляд.

Так, согласно еврейским мистикам, Вирсавия и была «истинной парой» Давида, то есть женщиной, предназначенной ему еще в момент рождения, и именно поэтому он испытывал к ней столь непреодолимое влечение. Однако, продолжают они, Давид сам расстроил свой брак с Вирсавией, и произошло это еще в день его грандиозной победы над Голиафом (Гольятом). Когда Давид подбежал к поверженному им Голиафу, юный телохранитель филистимского богатыря протянул ему меч своего убитого хозяина и заявил, что хочет присягнуть ему на верность и пройти гиюр¹¹, присоединившись к еврейскому народу. «О, пройти гиюр стоит хотя бы для того, чтобы жениться на еврейке, ибо нет красивее и горячее наших женщин!» – якобы ответил на это Давид.

Этим телохранителем, согласно преданию, был ни кто иной, как Урия Хеттеянин. Сказанные ему слова Давида вызвали гнев Всевышнего. «За то, что ты с такой легкостью разбрасывался женщинами Моего народа, – говорит Бог в мидраше, – я заберу у тебя твою истинную пару и отдам ее на время Урие Хеттеянину!».

Со дня битвы с Голиафом Урия почти не расставался с Давидом. Он стал бойцом его первого отряда, состоявшего из тридцати отборных воинов; затем сопровождал его во время бегства от Саула, а после воцарения Давида был назначен командиром одного из подразделений созданной им армии. По мнению еврейских мистиков, Урие в любом случае, и без тайного приказа Давида, было предопределено погибнуть на войне с аммонитянами, после чего для

¹⁰ Мидраш – устное предание; толкование еврейскими мудрецами эпохи Талмуда текста Священного Писания на основе устных преданий и традиции с целью разработки закона (Мидраш Галаха) или исторического либо нравоучительного вывода (Мидраш Агада).

¹¹ Гиюр – церемония перехода в иудаизм.

брака с Вирсавией не было никаких препятствий. Грех Давида, таким образом, заключался в том, что он не дождался естественного развития событий.

Многие комментаторы также настаивают, что связь Давида с Вирсавией ни в коем случае не была прелюбодеянием, то есть связью с замужней женщиной, так как у евреев издревле, отправляясь на войну, мужчины давали формальный развод своим женам, а по возвращении разрывали разводное письмо и вступали в свои супружеские права. Такой развод дал Вирсавии и Урия, так что Давид, по сути дела, занимался любовью с разведенной женщиной.

Другие комментаторы напоминают, что, согласно устному преданию, связь эта тем более не была греховной, что когда Давид познал Вирсавию, она была... девственницей. При этом, по одному мидрашу, Урия не мог овладеть женой, поскольку был то ли импотентом, то ли кастратом, а по другому дело заключалось в том, что он женился на Вирсавии, когда та была еще совсем ребенком, и решил не вступать с ней в близость, пока она до нее не созреет. Этот мидраш утверждает, что Давид увидел Вирсавию в тот самый момент, когда та совершала ритуальное омовение¹² спустя семь дней после окончания первых в ее жизни месячных. Но, согласно, еврейскому закону брак с женщиной, который не способен или не желает исполнять супружеские обязанности, считается недействительным, и таким образом Давида опять-таки нельзя обвинить в связи с замужней женщиной.

Еще один мидраш утверждает, что Давид согрешил с Вирсавией не без участия Сатана¹³ – этого вечного врага рода человеческого. Сатан, дескать, обернулся оленем (по другой версии – диковинной птицей) и когда замороженный царь стал следить взглядом за невестой откуда появившимся животным, он и обнаружил купающуюся Вирсавию.

Есть среди исследователей и толкователей Библии и такие, которые во всем случившемся винят не Давида, а Вирсавию: дескать, она намеренно соблазнила самодержца, расчетливо выбрав для купания тот самый час, когда он выходил на крышу дворца. При этом Вирсавия не могла не знать, что с этой крыши хорошо просматриваются все иерусалимские дворы¹⁴.

Словом, религиозные, да и не только религиозные мыслители предприняли немало попыток оправдать этот поступок царя Давида, но сам библейский текст, между тем, оценивает его однозначно: «И было это дело, которое сделал Давид, зло в очах Господа» (2 Цар. 11:27).

Так восприняла все происшедшее и семья Вирсавии. Ее отец, так же, как и Урия, давний соратник Давида и один из генералов его армии Елиам (Элиам), и ее дед, советник царя Ахитофел (Ахитофель), посчитали, что своим поступком царь порушил узы связывавшей их старой боевой дружбы, обесчестил их дочь и внуку и затаили глубоко в сердце обиду на своего повелителя.

Так же, видимо, считали и многие другие придворные, но все они предпочитали шептаться о страшном царском грехе по углам и никто не решался сказать об этом Его Величеству напрямую.

И все же такой человек нашелся: пророк Нафан явился к царю, чтобы сообщить, что Бог решил вынести Своему помазаннику приговор по принципу «мера за меру».

Впрочем, даже Нафан, находившийся с Давидом в необычайно близких отношениях, на сей раз не решился обвинить царя напрямую. Пророк начал свой разговор то ли с притчи,

¹² Согласно изложенному в Пятикнижии и соблюдающемуся евреями до сегодняшнего дня закону, в дни месячных интимные отношения между мужем и женой запрещены. По окончании месячных женщина должна отсчитать семь «чистых» дней, а затем совершить омовение в специальном ритуальном бассейне – микве. Только после такого омовения она снова становится «разрешенной» для мужа и может вступать с ним в интимную близость.

¹³ Именно так, в мужском роде, произносится это слово в иврите.

¹⁴ Неоднозначность образа Вирсавии привела к тому, что в славянских сказаниях о царе Соломоне она выступает в качестве отрицательного персонажа, этакой еврейской Мессалиной. В этих сказаниях Соломон еще младенцем обнаруживает, что мать изменяет его отцу Давиду. Вирсавия, боясь разоблачения, поручает «дядьке» убить сына, но Соломон выживает и спустя много лет возвращается в дом под видом купца. Он предлагает матери переспать с ним в обмен на драгоценный камень, а когда та соглашается, раскрывает себя и т. д. К древним еврейским источникам эти легенды не имеют никакого отношения.

то ли с недавно произошедшей реальной истории о том, как к одному богачу, обладающему бесчисленными стадами скота, пришел гость, и богач решил устроить в его честь пир. Но при этом богач почему-то взял для этого пира не одну из своих бесчисленных овец, а отобрал единственную овцу у несчастного бедняка...

Смысл притчи был прозрачен, однако, как ни странно, Давид с его умом, не примерил ее на себя, и сам вынес себе приговор. Он провозгласил, что богач из этой истории достоин смерти, а за овцу должен заплатить вчетверо: «...за то, что он сделал это, и за то, что не имел сострадания» (2 Цар. 12:6).

И уже после этого Нафан произносит роковые слова «Ты – тот человек!», а затем объявляет царю, что решением Небесного суда тот приговорен к смерти, но перед этим ему придется вкушать горечь унижения и бесчестия.

Сразу после своего страстного монолога (2 Цар. 12: 7–12) пророк уходит, и лишь после этого до Давида начинает доходить весь ужас его поступка и вся беспощадность вынесенного ему приговора. В страхе он валится на колени и молит прощения, и сила его раскаяния, говорит Библия, была так велика, что Всевышний изменил Свое решение.

Об отмене страшного приговора Небесного суда Давиду сообщил все тот же Нафан. Теперь, объявил пророк, Давид не умрет, его династия продолжится, но заплатить за грех с Вирсавией и Урией ему, безусловно, придется: его первый сын от Вирсавии умрет, а затем на его дом обрушатся различные бедствия.

Согласно раввинистической традиции, роман между Давидом и Вирсавией начался посреди лета; о приговоре Небес Нафан объявил царю ранней осенью, в канун еврейского новогоднего праздника Рош а-шана, а об его отмене – через десять суток, в Судный день, день суда и прощения. А спустя еще несколько месяцев, зимой, Вирсавия родила сына.

Ребенок родился слабым и болезненным, и повитухи с самого начала поняли, что его не выходить. Так оно и случилось: на седьмой день после своего рождения младенец скончался.

Смерть сына, говорит устное предание, стала для Вирсавии страшным ударом. Решив, что за грех измены мужу теперь все ее дети будут обречены на смерть, она стала отказывать Давиду в близости.

Версии комментаторов о том, когда именно происходили эти события, расходятся. По одному из устных преданий, история с Вирсавией произошла, когда Давиду было 45 лет. Вскоре после этого царь тяжело заболел, и болезнь эта длилась 13 лет, в течение которых он большую часть времени был прикован к постели, подозревая, что стал жертвой отравления.

Другая версия гласит, что Давид впервые увидел Вирсавию, когда ему было 56 лет. Но как бы то ни было, любовь к этой женщине продолжала пылать в сердце царя, и в итоге именно ей суждено было подарить Давиду того самого сына, которому предстояло стать строителем Храма.

«И утешил Давид Вирсавию, жену свою, и вошел к ней, и спал с нею; и она родила сына, и нарекла ему имя: Соломон. И Господь возлюбил его и послал пророка Нафана, и он нарек ему имя Иедида по слову Господа» (2 Цар. 12:24–25).

Так начинается история жизни царя Соломона, «произошедшего из чресл» Давида, когда великий царь и псалмопевец приблизился к последнему десятилетию своей жизни. Как намерено следует из библейского текста, пророк Нафан поспешил объявить Давиду, что рожденный Вирсавией младенец и есть тот самый наследник, которого царь так долго ждал. Это следует также и из самого второго имени, которым Нафан нарекает Соломона: «иедид» на иврите означает «близкий друг», «Иедида», таким образом, означает «Близкий друг Господа». Причем Нафан подчеркивает, что он дает ребенку это имя не по собственной воле, а «по слову Господа», то есть Бог Сам уже в момент рождения признал Соломона Своим «другом».

Об этом пророчестве Нафана Давид будет вспоминать в одной из своих последних бесед с сыном:

«Но было ко мне слово Господне, и сказано: «ты пролил много крови и вел большие войны; ты не должен строить дом имени Моему, потому что пролил много крови на землю перед лицом Моим. Вот у тебя родится сын: он будет человек мирный; Я дам ему покой от всех врагов его кругом: посему имя ему будет Соломон. И мир, и покой дам Израилю во дни его. Он построит дом имени Моему, и он будет Мне сыном, а Я ему отцом, и утвержу престол царства его над Израилем навек» (1 Пар. 22:8–10).

Само оригинальное звучание имени сына Давида и Вирсавии – Шломо, превратившееся в христианской традиции в Соломона, а в арабской – в Сулеймана, в сознании человека, владеющего ивритом, немедленно вызывает ассоциацию со словом «шалом» – «мир». Имя это было даровано Соломону в соответствии с пророчеством: «И мир, и покой дам Израилю в дни его».

Но одновременно это имя порождает и ассоциацию со словом «шalem» («цельный», «совершенный») а также со словом «Иерушалаим» – Иерусалим, «ир шалем», «цельный, единый город».

Они вообще оказываются неразрывно связаны в истории – Соломон и Иерусалим, превращенный им, если верить Книге Книг, в один из самых красивых и богатых городов своей эпохи.

* * *

Разумеется, многие исследователи считают библейский рассказ об истории рождения Соломона крайне предвзятым. Все, что связано с пророчеством о том, что истинному наследнику престола в дни, когда Давид «обрел покой от врагов своих», еще только предстояло родиться, вставлено, по их мнению, в текст исключительно для того, чтобы обосновать законность права Соломона на престол; объяснить, почему при выборе наследника царя был нарушен принцип старшинства. А если это право надо было обосновывать, значит, были те, кто в нем сомневался...

Глава вторая

Маленький принц

В Книге притчей Соломоновых царь говорит о себе: «Ибо и я был сын у отца моего, нежно любимый и единственный у матери моей» (Прит. 4:3).

Это, безусловно, чрезвычайно важный момент его биографии. Давно и хорошо известно, что именно отношение к ребенку родителей в самый ранний период его детства в итоге определяет многие будущие черты его личности. И – прежде всего – его самооценку, уверенность в собственных силах и правильности принимаемых решений.

«Если человек в детстве был любимым ребенком своей матери, он всю жизнь чувствует себя победителем и сохраняет уверенность в том, что во всем добьется успеха, и эта уверенность, как правило, его не подводит», – писал спустя более двух с половиной тысяч лет после царя Соломона другой его великий тезка, вошедший в историю человечества под именем Зигмунд Фрейд¹⁵.

Детство царя Соломона прошло, очевидно, в покоях его матери Вирсавии, которая, помня о смерти своего первенца, что называется, сдувала пылинки с сына и тряслась над каждым его шагом.

Привилегированное положение любимой жены, посещаемой царем куда чаще других жен и наложниц, не могло не вызывать у последних зависть и злобу по отношению к Вирсавии, и это вольно или невольно должно было сказаться на их отношении к Соломону. Опасаясь, что под видом игры на ее мальчика может быть совершено покушение, Вирсавия не пускала сына на детскую половину гарема, да ему и нечего было там делать.

«От полонянок, находившихся в царском гареме, у Давида родилось четыреста сыновей. Все они, вопреки иудейскому закону, выбривали волосы на висках, а на затылке заплетали их в косы и заставляли носить себя в золотых паланкинах и в армии занимали места начальников и командиров; все они были задиры и драчуны, наводившие ужас на окружающих», – сообщает трактат Талмуда «Киддушин»¹⁶.

Понятно, что число «400» в данном случае носит символический характер, призванный подчеркнуть, что сыновей у Давида и в самом деле было великое множество, но до большинства из них, как и до их матерей, царю, видимо, не было никакого дела. Трудно даже сказать, знал ли он всех своих отпрысков в лицо и по именам. Во всяком случае, из Библии следует, что действительно «своими» сыновьями, которых Давид любил и в воспитании которых принимал какое-то участие, были сыновья от первых шести его жен и Вирсавии. Именно они упоминаются во «Второй книге Самуила» поименно – шесть сыновей, родившихся в Хевроне (2 Цар. 3:2–8) и одиннадцать, родившихся в Иерусалиме (2 Цар. 5:14–16).

Впрочем, как следует из Талмуда, то, что они не входили в число отцовских любимцев, отнюдь не мешало этой толпе принцев носиться по Иерусалиму на мулах, задирая прохожих и забирая из лавок торговцев все, что приглянулось или просто попало под руку.

Соломон был намного младше большинства царских сыновей из этой оравы, и уже поэтому не мог принимать участия в подобных играх. Но очевидно, он к этому и не стремился, будучи по самой своей натуре человеком совершенно иного склада. Рано проявившийся острый природный ум, его жадная любознательность приводили в восторг Нафана. С каждым годом пророк все более истово верил в собственное пророчество, что именно этому мальчику, а не кому-либо другому из сыновей царя предстоит стать его подлинным наследником.

¹⁵ Создатель психоанализа был назван при рождении Соломоном (Шломо) – Сигизмундом. Затем, по собственной инициативе, он сменил это имя на «Зигмунд».

¹⁶ Бялик Х. Н., Равицкий И. Х. Агада: Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. Иерусалим, 1989. С. 148.

Воодушевленный этой верой, Нафан стал личным воспитателем маленького принца, а когда тот подрос, ему были наняты и другие учителя.

Согласно преданию, для обучения Соломона Торе¹⁷ был привлечен один из самых выдающихся ее знатоков того времени Семей, сын Геры (Шимми бен Гейра), но, видимо, только изучением Закона и истории образование Соломона не ограничилось. Не исключено, что специально для обучения маленького принца в Иерусалим были выписаны учителя математики, астрономии, астрологии и прочих наук из Египта, Сирии (Арама), Халдеи и других окрестных стран. Видимо, этим объяснялось то, что уже после своего восшествия на престол Соломон поражал всех не только своей мудростью, но и общей эрудицией и знанием иностранных языков: «И дал Бог Соломону мудрость и великий разум, и обширный ум, как песок на берегу моря. И была мудрость Соломона выше мудрости всех сыновей Востока и всей мудрости Египтян» (1 Цар. [3 Цар.] 4:29–30).

Давид Йосифон переводит эти строки Библии куда ближе к оригиналу: «И дал Бог мудрость Шеломо и разума очень много, и широту сердца, вмещавшего знания обильные, как песок морской. И мудрость Шеломо была больше мудрости всех сыновей Востока и всей мудрости Египта»¹⁸.

Из такого перевода более четко видно, что, помимо острого ума, Соломон отличался еще и такими характерными чертами подлинно мудрого человека, как высокими нравственными принципами, добротой («широтой сердца») и поражавшей его современников эрудицией (имел «знания обильные, как песок морской»).

Ряд исследователей Библии считают, что Нафан был не только и не столько пророком, сколько умным царедворцем, главным политическим советником царя Давида, страстным ревнителем идеи еврейской государственности. По этой версии, присмотревшись к старшим сыновьям царя, Нафан пришел к выводу, что никто из них не сможет достойно продолжить дело, начатое Давидом. Все они были отличными воинами, любителями пиров, охоты и прочих забав, но ни один не отличался глубоким интеллектом, осознанием всей сложности миссии царя; того, что подлинный монарх должен уметь порой приносить в жертву интересам нации личные интересы.

Именно после разочарования в Амноне, Авесаломе и Адонии Нафан сосредоточился на воспитании Соломона, и во время уроков проникся к нему самозабвенной отеческой любовью, если не сказать обожанием. Исподволь, едва ли не с момента, как тот начал говорить, Нафан готовил Соломона к роли царя.

Сам Давид, разумеется, тоже не мог обратить внимания на впечатляющие успехи Соломона в учебе. Вдобавок ко всему, этот ребенок был для него «сыном старости», «мизинчиком», как называют обычно последних сыновей евреи, и это тоже не могло не повлиять на его отношение к мальчику. Посещая Вирсавию, Давид немало времени проводил с Соломоном – пытался найти ответы на его бесчисленные «почему», проверял, чему тот научился за время его отсутствия, учил играть на арфе, а заодно и наставлял его в том, что человек должен считать в жизни главным, а что – второстепенным. Эти отцовские уроки маленький Соломон запомнил на всю жизнь: «И он (отец. – П. Л.) учил меня и говорил мне: да удержит сердце твое слова мои; храни заповеди мои и живи. Приобретай мудрость, приобретай разум: не забывай этого и не уклоняйся от слов уст моих» (Прит. 4:4–5).

¹⁷ Тора – в узком значении этого слова – Пятикнижие Моисеево, однако обычно под Торой понимается весь корпус книг Священного Писания и записанной позже устной традиции (Талмуда) и комментарии к ним.

¹⁸ Здесь и далее перевод Д. Йосифона цитируется по изданиям – Невиим ришоним и ахроним (Первые и последние пророки): Текст сверен с рукописью и масорой Кэтэр Арам Цовы и сходных с ней рукописей Мордехаем Броером / Ред. пер. Д. Йосифон. Иерусалим, 5735 (1975); Кетувим (Писания) / Ред. пер. Д. Йосифон. Иерусалим, 5738 (1978).

Словом, Соломон, похоже, и в самом деле был «нежно любимым» сыном своего отца, и это опять-таки не могло не породить злобного шепотока в гареме и тревожные подозрения у старших принцев.

* * *

Соломону был только год, когда первенец Давида Амнон, воспылав страстью к своей сестре Фамарь (Тамар), притворился больным, уговорил отца прислать к нему девушку, чтобы та приготовила для него лепешки, и изнасиловал ее. Удовлетворив свою страсть, Амнон мгновенно охладил к Фамари и выгнал ее из своих покоев, даже не дав дожидаться темноты.

Соломон, разумеется, не мог помнить этих событий. Но, вероятно, он не раз слышал в гареме о том, как Фамарь, разорвав свою белую рубаху, этот символ девичьей чистоты, шла, рыдая по городу. Как слышал он и пересуды, что Давид, вопреки ожиданиям, оставил это страшное преступление старшего сына безнаказанным. И уж, само собой, трехлетний Соломон на всю жизнь запомнил, каким страшным образом отомстил родной брат Фамари Авессалом за позор своей сестры.

Два долгих года скрывал Авессалом свою жажду мести от отца и брата, усыпляя их бдительность; ни словом, ни жестом не выдавая своих чувств. Наконец, решив, что время для отмщения пришло, Авессалом пригласил на праздник стрижки овец всех царских сыновей за исключением старшего Амнона и, разумеется, маленького Соломона.

Праздник этот всегда сопровождался у евреев обильным употреблением вина и шенкара – заимствованного у египтян крепкого пива. Вслед за братьями Авессалом пригласил к себе в имение и отца – прекрасно зная, что тот откажется поехать. А услышав этот ожидаемый отказ, Авессалом умолил Давида отпустить вместо себя Амнона.

Затем, в разгар праздничного пира, когда казалось, что ни один мужчина в доме Авессалома уже не держался на ногах, сам хозяин, остававшийся совершенно трезвым, подал слугам условный знак. В то же мгновение на пьяного Амнона набросилось не менее десяти человек, нанося ему бесчисленные удары ножами и ножницами для стрижки овец.

Увидев хлынувшую на пол кровь, все принцы мгновенно протрезвели, в ужасе вскочили на своих мулов и бросились прочь из имения Авессалома, решив, что тот уготовил им такую же участь. Вероятно, кто-то из слуг принцев бежал из поместья Авессалома первым и, не зная толком, что там произошло, доложил Давиду, что Авессалом убил всех его сыновей.

Маленькому Соломону, видимо, навсегда врезалось в память тот леденящий сердца ужас, который охватил всех обитателей царского дворца при этих словах. Вряд ли он мог забыть и то, как его венценосный отец, становившийся с годами все менее сдержанным в проявлении чувств, разорвал на себе одежды и, рыдая, повалился на землю.

Менее чем через час, когда все остальные царские сыновья вернулись домой, стало ясно, что жертвой Авессалома стал только Амнон. Не исключено, что именно в ту ночь Соломон впервые осознал всю важность справедливого и своевременного суда над преступником – ведь если бы Давид наказал Амнона по всей строгости закона, Авессалому, возможно, не пришлось бы прибегать к самосуду.

* * *

В то самое время, когда Давид напрасно оплакивал своих сыновей, братоубийца Авессалом бежал в Гисур (Гешур) – к своему деду, царю Фалмаю (Талмаю). Разумеется, при желании Давид мог бы потребовать выдачи сына, и старый Фалмай, скрепя сердце, выполнил бы волю своего могущественного зятя. Но в том-то и дело, что Давид такого требования не выдвинул –

его явно устраивало то, что Авессалом пребывает в изгнании и не может предстать перед судом за совершенное им преступление.

Бегство Авессалома совпало с началом засухи, продолжавшейся три года и в итоге породившей в стране ужасающий голод. Страшные картины изможденных, умирающих от голода, молящих Бога о дожде людей тоже навсегда врезались в память маленького Соломона. Не случайно, по устному преданию, во время своего пророческого сна Соломон, в числе прочего, обратился к Богу с просьбой, чтобы на протяжении всего времени его царствования страна не знала ни засухи, ни голода.

Кто знает, может быть, именно в те голодные дни Соломон утвердился в мысли, что подлинным показателем величия любой страны является не мощь армии, не масштаб завоевательных походов, а ее экономическое процветание – отсутствие в ней людей, умирающих от голода и готовых продаться в рабство за корку хлеба. Именно такое государство он и решил построить в будущем, не забыв при этом о строительстве складов для стратегических запасов на случай той же засухи или других стихийных бедствий.

Спустя три года после побега Авессалома Давид не без помощи своего министра обороны Иоава нашел юридическую уловку, позволяющую ему не предавать этого сына смертной казни, и Авессалому было милостиво разрешено вернуться в Иерусалим. Однако Давиду понадобилось еще два года, чтобы окончательно простить сына и встретиться с ним¹⁹.

Таким образом, в течение пяти лет Авессалом не показывался во дворце, и внимание и любовь Давида в эти годы изливались на Соломона. Все свободное от уроков время маленький принц находился рядом с отцом – сопровождал его на военные учения; сидел (что было, конечно, не очень педагогично) рядом с ним на пирах и – самое главное – стоял возле его трона, когда Давид решал различные государственные дела и вершил суд. Таким образом, еще не достигнув восьми лет от роду, Соломон успел получить первые уроки того, как следует управлять государством.

* * *

Ряд еврейских авторов относят предание о первом суде Соломона именно к этому периоду. Впрочем, другие считают, что история эта произошла вскоре после мятежа Авессалома, то есть относят ее к тому времени, когда Соломону было девять-десять лет. Третьи – к последним дням правления Давида, а четвертые видят в этой истории народную легенду, которая родилась несколько столетий спустя после смерти царя Соломона.

Жил в городе Иерусалиме, гласит эта легенда, богатый купец, и был у него единственный сын, в котором он души не чаял. Когда юноше исполнилось 15 лет, он стал просить отца разрешить ему попробовать себя в деле и отпустить с караваном, идущим в дальние страны. Купец долго противился, но все же не смог устоять перед просьбами любимого сына и разрешил ему отправиться в путь. Прошло полгода, год, другой, но сын домой так и не вернулся. Не вернулся он и через три года, и через пять.

Почувствовав, что ему пришло время умирать, купец объявил своему любимому рабу, что хочет оставить его управляющим всем своим имуществом до тех пор, пока не вернется его сын. Раб согласился, но попросил купца узаконить его назначение: позвать к себе жену, дочерей и всех остальных домочадцев и объявить им свою волю. Купец так и сделал: призвал всю родню и сообщил, что оставляет свое имущество и заботу о них на попечение верного раба – до той поры, пока не вернется его пропавший без вести сын.

Первый год после смерти купца новый управляющий исполнял завещание своего покойного хозяина и, распоряжаясь его имуществом, не забывал о нуждах дочерей и вдовы купца.

¹⁹ Более подробно эти события изложены в кн.: Люкимсон П. Е. Царь Давид. М., 2011.

Однако постепенно он вошел во вкус, и решил, что пришло время стать полноправным хозяином всего вверенного ему богатства. Выгнал он из дома всех близких покойного и стал жить припеваючи.

Прошло еще десять, а то и больше лет, и вдруг в ворота дома постучался какой-то человек. На вопрос, кто он такой, незнакомец ответил, что он – сын хозяина этого дома. Много лет назад он ушел из Иерусалима с торговым караваном, попал в плен к разбойникам, был продан в рабство, но, в конце концов, сумел бежать. И вот он здесь, чтобы вступить в права законного наследника...

«Да кто ты такой? Откуда ты взялся?! И по какому праву ты лжешь! У хозяина этого дома был только один сын, и этот сын – я!», – ответил управляющий и велел слугам избить незваного гостя и выбросить его за дверь.

Тогда пришелец решил обратиться в суд, чтобы изобличить самозванца. С этой целью он сначала направился к старым друзьям купца с тем, чтобы они удостоверили на суде его личность. Но за прошедшие годы одни из этих друзей умерли; другие не могли узнать его, ибо он покинул город безбородым юнцом, а вернулся в него взрослым, немало повидавшим на своем веку человеком. Те же, кто узнал в нем сына купца, отказывались свидетельствовать в его пользу, так как задолжали управляющему большие суммы и боялись его рассердить.

Именно подобные сложные дела, в которых нет ни улики, ни свидетелей, разбирались в царском суде, и потому вернувшийся сын купца направился во дворец царя Давида.

В назначенный для слушания день два человека, претендующие на то, чтобы называться сыновьями и наследниками купца, предстали перед тронном царя.

– Ваше величество! – со слезами на глазах сказал первый. – Я был единственным сыном своего отца. Юношей я отправился с караваном, попал в рабство, прошел через многие страдания, и вот когда я вернулся, выяснилось, что мой отец мертв, а его имуществом завладел самозванец!

– Это ты – самозванец! – парировал второй. – Я – единственный сын покойного купца, а кто это такой я не знаю, и в первый раз его вижу!

– Ложь! – воскликнул на это первый. – Я – сын, а ты – презренный раб, лжец и клятвопреступник!

Тут, заметив, что Давид немало озадачен этим казусом, стоявший у его трона восьмилетний Соломон решился взять слово.

– Отец! – сказал он. – Позволь мне провести этот суд.

– Что ж, – ответил царь, – я с удовольствием выслушаю твое мнение, сын мой. И да поможет тебе Бог доискаться до правды!

Все находившиеся в зале царского суда в это мгновение обратились в слух, ибо еще никогда не видели ребенка в роли судьи.

– Как я понимаю, каждый из вас утверждает, что он является сыном покойного почтенного купца, но ни один не может привести для этого убедительные доказательства, – сказал Соломон. – Поэтому сейчас ступайте на могилу покойного, достаньте из нее одну его кость, разломайте ее пополам и пусть каждый принесет половину.

Как только оба тяжущихся покинули зал суда, Соломон подозвал к себе слугу и велел ему проследить, как будет вести себя эта пара на кладбище, а затем немедленно вернуться и доложить ему.

«Когда эти двое пришли к могиле купца, один из них разрыдался и сказал: “Неужели тебе недостаточно, что ты завладел имуществом моего отца, выгнал меня и сестер из дома, так теперь ты еще хочешь осквернить его могилу и сломать его кости?!”. Второй же просто спешно разрыл могилу, достал оттуда кость сломал ее и сейчас находится на пути сюда!» – доложил Соломону слуга.

Вскоре и в самом деле оба мужчины снова появились в зале суда, и один из них, преклонив колени, протянул маленькому принцу кость из могилы.

– А где твоя часть кости? – обратился Соломон ко второму.

– Я ничего не принес, принц! – ответил тот. – Я предпочитаю остаться без дома и без гроша в кармане, чем осквернить могилу отца.

«Лично мне все уже ясно! – провозгласил Соломон. – Но чтобы ни у кого из присутствующих не осталось сомнений в этом деле, я попрошу пригласить сюда цирюльника. Пусть он отворит кровь как одному, так и другому тяжущемуся!»

Когда цирюльник выполнил то, для чего ему пригласили, Соломон опустил кость в чашу с кровью управляющего делами купца, затем вытащил ее и показал всем. Кость осталась такой же сухой и белой, как и была.

Тогда Соломон опустил эту кость в чашку с кровью мужчины, утверждавшего, что он вернулся в отцовский дом после многих лет рабства. И кость мгновенно пропиталась кровью, разбухла и даже как будто ожила...

– Смотрите все! – закричал Соломон. – Вот вам доказательство, кто тут раб, а кто – господин! Кровь раба скользнула по кости покойного, как ртуть, не оставив на ней никакого следа. Но, оказавшись в другой чаше с кровью, кость ожила. Потому, что это – та же самая кровь, которая текла в ней при жизни, кровь сына! А теперь пусть возвратившийся домой подлинный хозяин сам решает судьбу своего лживого раба.

Но сын купца решил не наказывать управляющего. Он лишь велел тому разыскать своих мать и сестер и вернуть их в дом. После этого он щедро расплатился золотом за то время, которое этот человек управлял имуществом его отца, а затем потребовал от бывшего раба покинуть Иерусалим и никогда в него не возвращаться.

А по царскому дворцу, а затем и по всей столице тем временем стремительно распространились слухи о необычайной мудрости младшего сына царя²⁰.

Коран, синтезируя еврейские мидраши и отрывки из Талмуда приводит еще одну легенду о совместном суде царя Давида и малолетнего Соломона, имена которых в арабской транскрипции, естественно, звучат как Дауд и Сулайман.

Чтобы не утомлять читателя довольно сложным для непривычного восприятия кораническим текстом, приведем эту легенду в изложении Михаила Борисовича Пиотровского.

«Другой спор Дауд решил вместе со своим сыном Сулайманом. Аллах говорит, что Он присутствовал при том, как Дауд и Сулайман вместе судили по поводу поля, которое повредил скот. И Аллах тогда вразумил Сулаймана (21: 78–79). “Вразумил” – значит помог принять более верное решение, чем его отец. Каковы детали этого суда, установить трудно. Текст предельно краток, понять его пытаются с помощью иудейских преданий, но варианты предлагают разные. При отсутствии других убедительных данных приходится пользоваться комментариями к Корану, составленными на материале тех же иудейских преданий. К Дауду и Сулайману пришли хозяин поля и хозяин скота, который потравил посевы на этом поле. Дауд присудил хозяину поля весь скот, который погубил посевы. Сулайман же решил более справедливо. Скот бы передан владельцу поля на то время, пока посевы взойдут вновь. После возвращения скота ему бы остались приплод и шерсть»²¹.

²⁰ Существует множество различных вариантов этой легенды, в том числе и русский, различающихся в тех или иных деталях.

²¹ Пиотровский М. Б. Коранические сказания. М., 1991. С. 141.

* * *

Надо заметить, что рассказы о прозорливости маленького судьи не так фантастичны, как могут показаться на первый взгляд. Еврейская история знает примеры, когда пяти-шестилетние вундеркинды проявляли при решении различных куда более сложных талмудических задач не меньшую сообразительность, чем восьмилетний Соломон.

Все же, вероятно, Соломон втайне завидовал другим принцам. Порой ему хотелось вести такую же веселую и разгульную жизнь, как и они. И уж само собой он жадно следил за тем, как проводит время его старший брат, всеобщий любимчик Авессалом, который «...завел у себя колесницы, и лошадей, пятьдесят скороходов» (2 Цар. 15:1).

В синодальный перевод, увы, опять вкралась неточность: на самом деле в оригинале речь идет не о «скороходах», а о пятидесяти воинах, бывших телохранителями и почетным эскортом принца. Понятно, что когда Авессалом разъезжал по городу и окрестностям на невиданной до того в Иерусалиме колеснице в сопровождении опять-таки незнакомой доселе евреям конницы, все это производило сильное впечатление на окружающих, и уж тем более на ребенка, каковым еще был Соломон. Феномен «влияния старшего брата», который может стать для мальчика даже более предпочтительным образцом для подражания, чем отец, хорошо известен психологам.

Возможно, именно под влиянием Авессалома Соломон начал ценить роскошь, утвердился в мысли, что «царь должен жить красиво», а неотъемлемыми признаками такой красивой жизни для него стали все те же колесницы, лошади и рослые, пышущие здоровьем и силой гвардейцы эскорта.

И все это у него появится, когда он станет царем.

* * *

Не исключено, что то особое внимание, которое Давид оказывал Соломону, и возбудило ревность и подозрения Авессалома, убежденного, что именно он является после убийства Амнона законным наследником престола. А видя, что отец медлит с объявлением имени наследного принца, Авессалом и решился на мятеж.

Нет никаких сомнений в том, что мятеж Авессалома стал одним из самых ярких переживаний детства Соломона, навсегда врезался в его память, и эти воспоминания оставались с ним до конца жизни.

Как следует из библейского рассказа, Авессалом долго и тщательно готовился к свержению отца с трона. Он сумел собрать партию своих сторонников внутри дворца, который возглавил советник Давида Ахитофел, о мудрости которого в народе ходили легенды. Будучи дедом Вирсавии, Ахитофел, видимо, так и не простил Давиду его греха с внучкой и ее мужем, а потому стал не просто душой, а «мозговым центром» заговора Авессалома.

Не исключено, что именно по совету Ахитофела принц стал всеми возможными способами усиливать как среди лидеров и старейшин колен, так и в простом народе недовольство правлением Давида. Это было тем более легко, что недовольных хватало и без этого. Многие представители колена Вениамина (Биньямина), к которому принадлежал первый израильский царь Саул (Шаул), по-прежнему, считали Давида самозванцем и узурпатором трона. Среди других десяти колен зрело недовольство налоговой политикой царя и порядком призыва на армейские сборы. Вдобавок к этому Авессалом, встречая всех приходивших во дворец просителей, намеренно внушал им, что его отец уже давно не в состоянии справедливо вершить суд и прислушиваться к просьбам подданных.

Наконец, настал день, когда Авессалом решил, что он вполне может собрать достаточную армию для свержения отца, а, значит, пришло время действовать.

О том, когда именно происходили эти события, между различными исследователями и комментаторами до сих пор идут ожесточенные споры. Исходя из того, что рассказ о мятеже Авессалома начинается с фразы «По прошествии сорока лет царствования Давида Авессалом сказал царю...» (2 Цар. 15:7), ряд комментаторов делают вывод, что в момент мятежа Авессалому было 40 лет, то есть все эти события происходили в последний, 40-й год царствования Давида.

Однако великий Абарбанель²² был убежден, что эти слова следует понимать так, что Авессалому было около сорока лет, но все же не ровно 40. «Книга порядка поколений» («Сефер Седер гадорот»), считающаяся одним из самых авторитетных трудов по библейской хронологии, датирует этот мятеж 37-м годом царствования Давида. Таким образом, по мнению ее автора, раввина Ихиэля бен Шломо Хайльперина, в момент бунта Давиду было 67 лет, Авессалому – 37, а Соломону – 9²³.

Чтобы собрать вокруг себя всех сторонников и не дать Давиду оперативно вмешаться в ситуацию, Авессалом обратился к отцу с просьбой разрешить ему совершить благодарственное жертвоприношение в Хевроне – якобы, во исполнение некоего обета, данном, еще когда он жил в изгнании в Гисуре. Вслед за этим Авессалом направил во все концы страны гонцов к своим сторонникам – с тем, чтобы последние ждали условленного сигнала из Хеврона, после которого они должны объявить народу о его воцарении в Хевроне и начале похода на Иерусалим. Кроме того, на всех дорогах были расставлены трубачи, призванные трубить в шофары²⁴ как только окончится церемония помазания Авессалома на царство.

Так все и произошло. Тысячи сторонников Авессалома, представляющие все колена Израиля, собрались в Хевроне, и вспыхнувший на жертвеннике огонь был одновременно огнем мятежа. Как только прибывший из Гило Ахитофел провозгласил Авессалома царем, на всех дорогах раздался протяжный звук шофаров. Им ответили трубные звуки рогов в сотнях сел и городов страны, и уже затем на их улицах раздался клич мятежников: «Авессалом воцарился в Хевроне!».

Узнав, что Авессалом движется на Иерусалим с многотысячной армией, Давид решает покинуть город, чтобы не допустить гражданской войны на его улицах и возможного осквернения в ходе этих боев главной национальной святыни – Ковчега Завета.

Оставив гарем с десятью женами и наложницами в Иерусалиме, Давид берет с собой только любимую Вирсавию и сына Соломона, несколько десятков своих приближенных, и покидает столицу в сопровождении лишь сохранивших ему верность старой гвардии и отряда наемников общей численностью примерно 1200 человек.

И вот это-то обязательно должен был запомнить девятилетний Соломон: как он с матерью и пророком Нафаном едут на телеге, запряженной мулами. Позади телеги идет отец, великий царь Давид: босой, в простой, разодранной от горя одежде, утирая рукавом слезы и всем своим видом демонстрируя покорность Божьей воле.

В этот момент Соломону, возможно, впервые открылось, что царская власть сопряжена не только с почестями, раболепием и роскошью, но и с постоянной угрозой потерять трон в результате войны или заговора. Причем заговорщиками вполне могут оказаться люди, которым ты безоговорочно доверял. А значит, выходило, что доверять царю никому нельзя. Тем более, самым близким своим родственникам, которые вполне могут считать себя вправе претендовать

²² Дон Ицхак бен Иегуда Абарбанель (1437–1508) – автор классического комментария к Танаху и ряда известных философских произведений.

²³ Хайльперин И. Ш., раввин. Сефер седер гадорот. Бней-Брак, 2009. Т. 1. С. 158.

²⁴ Шофар – бараний рог, в который у евреев принято трубить в дни праздников и по всем торжественным случаям.

на трон. Следовательно, любой заговор царь должен подавлять еще в зародыше, при первом же легком подозрении...

Подтверждение этим своим мыслям принц Соломон получил, когда царская процессия, миновав Масличную гору, подошла к городку Бахуриму. Так как Иерусалим находился в землях колена Вениамина, то и весь путь бегства Давида пролегал через деревни вениамитян, многие из которых, как уже говорилось, отнюдь не питали симпатии к царю. Теперь эти люди выстроились вдоль дороги, чтобы вдоволь позлорадствовать над поверженным царем. Но больше всего поразило Соломона то, что среди этих злопыхателей был Семей, сын Геры – его учитель Закона, урокам которого он с таким благоговением внимал и которого считал образцом добродетели.

Теперь Семей, сын Геры, велел своим домочадцам забрасывать Давида и его воинов камнями, сам бежал вслед за царем и вопил – Убирайся! Убирайся вон, убийца и мерзавец! Обратил Господь против тебя всю кровь дома Саула, вместо которого ты стал царем, и передал Господь царство в руки Авессалома, сына твоего, и вот ты в беде, ибо ты – убийца!²⁵

Видел Соломон и то, как его кузен Авесса (Авишай), командир гвардейцев, подъехал к Давиду и предложил казнить Семеня за оскорбление Его Величества, Давид запретил ему это, демонстрируя полную покорность Божьей воле: «И сказал царь: что мне и вам, сыны Саруины? пусть он злословит, ибо Господь повелел ему злословить Давида. Кто же может сказать: зачем ты так делаешь? И сказал Давид Авессе и всем слугам своим: вот, если сын мой, который вышел из чресл моих, ищет души моей, тем больше сын Вениамитянина; оставьте его, пусть злословит, ибо Господь повелел ему. Может быть, Господь призрит на уничтожение мое и воздаст мне Господь благодатью за теперешнее его злословие» (2 Цар. 16:9–12).

Увы, нам не дано знать, что подумал Соломон, услышав эти слова отца – удивился ли он бесконечности его милосердия, или уже тогда понял всю мудрость такого поведения и извлек для себя еще один урок.

Видимо, во время стоянки Бахуриме оставленные Давидом в столице согладатыи принесли вести о происходящем в Иерусалиме. Вместе с царедворцами Соломон слушал рассказ о том, как, следуя совету Ахитофела, Авессалом раскинул свой шатер на крыше царского дворца (той самой крыше, с которой Давид некогда увидел Вирсавию) и на глазах всего народа велел вводить к нему в шатер жен и наложниц отца. Причем последние, если верить вестникам, не особенно этому противились.

Так как женщинами прежнего царя мог пользоваться только его законный наследник, то всем было понятно, что этим шагом Авессалом решил показать, что считает себя именно таковым. Одновременно, совершив это прелюбодеяние, Авессалом отсек всякую возможность примирения с отцом и дал понять, что готов идти до конца, то есть до уничтожения самого Давида и всех его сторонников. И не удивительно, что многие приближенные Давида, услышав рассказ о деяниях Авессалома, ощутили смертельный страх.

Однако Соломона, как можно предположить, больше всего поразило в нем поведение женщин, та покорность и даже сладострастие, с которой они отдавались красавчику Авессалому. Во всяком случае, возможно, именно здесь таятся корни его противоречивого отношения к женщине, столь явственно проявляющееся, в ряде его стихов в Книге притчей Соломоновых и Книге Екклесиаста – восхваления верной жене и хозяйке дома перемежаются в них с представлением о женщине как изначально порочном существе, недостойном доверия.

«Три вещи непостижимы для меня, и четырех я не понимаю: пути орла на небе, пути змеи на скале, пути корабля среди моря и пути мужчины к девице²⁶. Таков путь и жены пре-

²⁵ См.: Вторая книга Царств 16:7–9.

²⁶ Одна из самых знаменитых ошибок при переводе Священного Писания. В оригинальном тексте стоит не слово «бетула» («девица, девственница»), а слово «альма» («молодая замужняя женщина, молодка, молодница»). Таким образом, в более точном переводе фраза звучит так: «...и пути мужчины в (теле) молодой женщине».

любодейной; поела и обтерла рот свой и говорит: „я ничего худого не сделала“» (Прит. 30:18–20), – утверждается в «Притчах».

«И нашел я, что горше смерти женщина, потому что она – сеть, и сердце ее – силки, руки ее – оковы; добрый пред Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею... Чего еще искала душа моя, и я не нашел? – Мужчину одного из тысячи я нашел, а женщину между всеми ими не нашел» (Екк. 7:26–28), – еще более резко выражается «Екклесиаст».

Это тайное презрение и патологическое недоверие к женщине, очевидно, и не дало царю Соломону познать, что такое любовь и вкусить простые радости семейной жизни. Именно отсюда берет свое начало его легендарное любвеобилие – ведь ни одну из принадлежавших ему женщин он никогда по-настоящему не любил. И истоки этого его «женоненавистничества», повторим, следует искать в горьком опыте его отца в дни мятежа Авессалома...

* * *

...Тем временем в Иерусалиме происходили и другие важные события, о которых Соломон, разумеется, знать не мог.

Давид был не очень высокого мнения об уме Авессалома, но у него были все основания опасаться хитроумного Ахитофела, умеющего просчитывать на много шагов вперед. Ахитофел, между тем, понимал, что самое главное в создавшейся ситуации – это не дать Давиду собраться с силами, сформировать армию из оставшейся ему верной части народа. Поэтому он предложил Авессалому не медлить, а собрать 12 тысяч воинов и напасть на отдыхающее в Бахуриме небольшое войско Давида и убить его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.